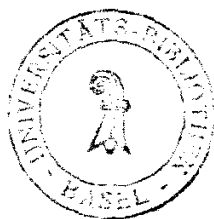

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

1905

Lieb 7 132

2

ФЕВРАЛЬ

„Трагедія челоѣчества“ Эмериха Ма- дача *).

Недавно русская литература обогатилась переводомъ давно уже оцѣненной въ западной Европѣ, но у насъ совершенно неизвѣстной философской поэмы венгерскаго поэта. Мы должны быть признательны за этотъ цѣнный вкладъ въ нашу переводную литературу извѣстному переводчику „Фауста“ Н. А. Холодковскому, который, впрочемъ, заявляетъ, что, по незнанію имъ венгерскаго языка, онъ сдѣлалъ свой переводъ съ нѣмецкаго перевода. Намъ заранѣе слѣдуетъ отказаться поэтому отъ большой близости перевода къ тексту, что въ данномъ случаѣ, при двойномъ переводѣ, недостижимо **). Но, если при такомъ переводѣ, можетъ быть, и утрачивается до извѣстной степени аромать языка, то во всякомъ случаѣ сохраняется, конечно, содержаніе поэмы, высоко интересное и поучительное. Мадачъ принадлежитъ къ числу поэтовъ-мыслителей, и его поэма посвящена основному вопросу философіи, — загадкѣ о челоѣкѣ и, въ частности, о челоѣческой исторіи, ея цѣлесообразности и осмысленности а, въ послѣднемъ счетѣ о смыслѣ челоѣческой жизни вообще. По широтѣ задачи „Трагедія челоѣчества“ невольно напоминаетъ „Фауста“, „Каина“ и „Манфреда“, хотя она совершен-

*) Дешевая бібліотека Суворина. Переводъ Н. А. Холодковского. Цѣна 25 к.

**) За это время „Знаніемъ“ изданъ уже другой переводъ „Трагедіи челоѣчества“, сдѣланный съ венгерскаго подлинника, но прозаическій. Настоящая замѣтка написана до появленія новаго перевода и считается только съ переводомъ г. Холодковского.

но самостоятельна и по мысли, и по композиціи. Конечно, она не сравнится по художественному исполненію съ названными произведеніями; по справедливому замѣчанію переводчика, „въ ней больше ума, чѣмъ поэзіи“ (хотя вѣдь тоже можно сказать и о холодной символикѣ второй части „Фауста“), однако въ ней такъ много мысли, такъ много непосредственной боли, подлиннаго человѣческаго страданія, безъ котораго нельзя ни понять, ни написать „Трагедіи человѣчества“— и которое кладетъ отпечатокъ особенной задушевности и проникновенности, что про нее можно сказать словами Тургенева о dobroлюбовскихъ стихахъ: это если и не поэзія, то нѣчто ей равноцѣнное. А, кромѣ того, согласно вѣрному замѣчанію переводчика, „отдѣльные мѣста и цѣлыя сцены отличаются замѣчательною поэтичностью, силою и глубиною чувства“.

„Трагедія человѣчества“ написана въ тиши уединенія въ промежутокъ времени отъ 17 февр. 1859 г. до 26 марта 1860 г., слѣдовательно на 37 году жизни Мадача (род. 21 янв. 1823 г.), въ пору полной зрѣлости его духовныхъ силъ. Ей предшествовала бурная, полная общественной и политической дѣятельности жизнь; за участіе въ возстаніи противъ австрійцевъ во время революціи 1848 года Мадачъ высидѣлъ годъ въ крѣпости, и за это время его покинула горячо любимая жена, что его въ высшей степени потрясло. Впослѣдствіи онъ былъ депутатомъ, отстаивая національные венгерскіе интересы. Умеръ въ 1864 году. Уже изъ этихъ данныхъ видно, что „Трагедія человѣчества“ не есть порожденіе кабинетнаго досуга, а выстраданный плодъ

Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ.
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

и это, конечно, увеличиваетъ значеніе поэмы.

Предметъ поэмы— всемірная исторія, которая и является „Трагедіей человѣчества“. Дѣйствующія лица Адамъ, Ева и Люциферъ. Адамъ перевоплощается въ разныя историческія эпохи въ характерныя для нихъ историческія фигуры, не утрачивая, однако, воспоминанія о всемъ предыдущемъ. Въ

немъ персонифицируется, такимъ образомъ, все историческое человѣчество. Ева — женственное начало, „das Ewig Weibliche“, она появляется также подъ разными личинами, сохраняя однако свои основныя черты. Наконецъ, Люциферъ, духъ отрицанія, неизмѣнно сопутствуетъ Адаму въ его земныхъ странствіяхъ. Его отрицаніе представляетъ нѣчто среднее между язвительной ироніей Мефистофеля и сатанинской гордыней Люцифера у Байрона. Въ немъ воплощено начало мірового зла, „мировой минусъ“, какъ выразился Карамазовскій чортъ. Мѣсто и время дѣйствія постоянно переносится соотвѣтственно развитію исторіи. Трагедія открывается прологомъ въ небѣ, живо напоминающимъ прологъ въ небѣ Фауста (который, въ свою очередь, навѣянъ соотвѣтственнымъ рассказомъ книги Іова). Среди хоровъ духовъ, восхваляющихъ Творца и твореніе, одинъ Люциферъ не принимаетъ участія въ общей хвалѣ и требуетъ своего участія въ мірѣ и, въ отвѣтъ на это требованіе, получаетъ два заклѣтыхъ дерева въ раю, при посредствѣ которыхъ и соблазняетъ Адама и Еву. Послѣдніе изгоняются изъ рая. Изгнанный Адамъ хочетъ узнать будущее своего рода, Люциферъ погружаетъ его въ глубокій сонъ и во снѣ передъ нимъ проносится вся исторія. Въ заключеніе онъ пробуждается отъ своего сна и узнаетъ отъ Евы, что она стала матерью и, слѣдовательно, „трагедія человѣчества“ фактически началась. Поэма кончается эпилогомъ, состоящимъ изъ заключительнаго разговора Адама съ Богомъ.

Пересказъ содержанія поэтическаго произведенія есть вообще дѣло въ высокой степени неблагодарное, потому что такой пересказъ обыкновенно не даетъ о немъ никакого понятія. Мы надѣемся, читатель познакомится съ поэмой Мадача въ подлинникѣ, что особенно облегчается общедоступностью изданія. Тѣмъ не менѣе нельзя миновать этого пересказа, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ. Погрузившись въ глубокій сонъ, Адамъ видитъ себя въ лицѣ египетскаго фараона. Мечтая о вѣчной славѣ, онъ наблюдаетъ за возведеніемъ гигантской пирамиды. Но вотъ вбѣгаетъ рабъ, избитый надсмотрщиками, и умираетъ съ жалобой на ступеняхъ трона, воскликнувъ: „такъ миллионы мрутъ для одного“!

Фараонъ приходитъ въ ужасъ отъ этого восклицанія, впервые почувствовавъ, что міръ существуетъ не для него только! Жена умирающаго раба (Ева) горько оплакиваетъ своего мужа; фараонъ, пораженный ея красотой, возводитъ ее на тронъ и, видя, какъ терзаютъ ее вопли рабовъ, велитъ прекратить работу и освободить народъ. Но мысль о великой цѣли все еще продолжаетъ владѣть имъ. Люциферъ (въ роли фараонова министра) показываетъ ему всю тщету мечтаній его — увѣковѣчить свое имя сооруженіемъ пирамиды.

Ты чуешь,
 Какъ вѣтерокъ тебѣ лобзаетъ щеки?
 Гдѣ онъ скользитъ, тамъ влага остается,
 А къ ней покровъ пылинокъ пристаётъ;
 Такъ черезъ годъ возникнетъ слой тончайшій,
 Въ сто лѣтъ онъ станетъ толстымъ покрываломъ,
 Черезъ тысячу же лѣтъ занесены
 Песочной пылью пирамиды; имя
 Твое давно погребено въ песокъ,
 Въ садахъ твоихъ шакалъ голодный воетъ,
 А вокругъ въ пустынь бродитъ нищихъ рать!

(Все это происходитъ передъ глазами зрителей).

И это все свершилъ не споръ гигантскій
 Стихій, о нѣтъ,—лишь тихій вѣтерокъ!

Адамъ
 Ужасный видъ!

Люциферъ (съ ироніей)

Не слишкомъ ужасайся;
 Разсѣется твой духъ, но будетъ тѣло
 Сохранено, какъ мумія сухая
 Съ неясной, стертой надписью на ней,
 И школьникъ будетъ спрашивать: кто это?

Царь или рабъ? (Предъ трономъ является мумія). Адамъ бросаетъ мечты о славѣ и рѣшается бороться „въ вольномъ государствѣ“

И пусть одинъ погибнетъ,
 Чтобъ цѣлое прекрасное цвѣло!

Дѣйствіе переносится въ Аѳины, Адамъ-Мильтіадъ, возвращенія котораго изъ похода ожидаетъ народъ. Демагоги возмущаютъ чернь противъ Мильтіада и добиваются его смертнаго приговора, который и выполняется надъ возвратившимся побѣдителемъ. Послѣдній умираетъ разочарованнымъ въ своихъ демократическихъ идеалахъ, съ такими мыслями, полными нравственнаго нигилизма:

Пусть каждый служить своему лишь я.
Пусть онъ въ чадѣ горячемъ наслажденья
Просуществуетъ жизненный свой срокъ
И, опьяненный, закружившись, въ Галесъ
Низвергнется!

Въ слѣдующей сценѣ оргія въ Римѣ эпохи упадка, Адамъ въ лицѣ кутилы Сергіола пируетъ съ эпикурейцами и гетерами. Проносятъ мертвеца, отъ котораго заражается одна гетера и умираетъ на глазахъ. Изъ толпы провожатыхъ выдѣляется ап. Петръ и своей проповѣдью обращаетъ Адама и Еву (въ лицѣ куртизанки) въ христіанство.

Слѣдующая сцена происходитъ въ Византіи, въ разгаръ догматическихъ споровъ. Адамъ, въ лицѣ рыцаря Танкреда, разочаровывается въ бездушныхъ и жестокихъ представителяхъ официальной церкви и вообще ученіяхъ эпохи. Здѣсь рисуется официальное вырожденіе христіанства. Въ слѣдующей сценѣ Адамъ въ лицѣ Кеплера находится при дворѣ императора Рудольфа, гдѣ, чтобы имѣть возможность заниматься наукой и удовлетворять прихоти жены (Евы), вынужденъ шарлатанить, играя роль астролога.

Адамъ съ тоскою восклицаетъ, уходя въ мечтахъ о будущемъ отъ постылаго настоящаго:

Настанетъ ли, проснется ль новый вѣкъ,
Который равнодушіе ледяное
Въ сердцахъ людей сумѣетъ растопить,
Смететъ весь старый мусоръ новой силой
И, какъ судья, начнетъ рукою властной
Вознаграждать, карать и возвышать?
Отъ грозныхъ, сильныхъ средствъ не отступая,
Произнесетъ ли тайное онъ слово.

Чтобъ, какъ лавина, понеслось оно
 Неудержимо въ міръ, предъ собою
 Все сокрушая, даже и того,
 Кто первый возвѣститъ его посмѣетъ?

При этомъ Кеплеръ засыпаетъ, а въ отвѣтъ на его призывъ слышится мелодія марсельезы.

Заснувшій Кеплеръ видитъ себя Дантономъ, въ разгарѣ террора. Онъ осуждаетъ жертву за жертвой, во имя лозунга „свобода, равенство и братство“, пока самъ не получаетъ смертнаго приговора и не ложится подъ гильотину. Просыпаясь, Кеплеръ еще сильнѣе чувствуетъ ничтожество своей эпохи, еще больше мечтаетъ о лучшемъ будущемъ и еще отрицательнѣй относится къ своей кабинетной дѣятельности, отговаривая отъ нея и ученика (разговоръ съ которымъ заставляетъ вспомнить бесѣду Мефистофеля съ студентомъ). Онъ снова стремится

Въ тотъ новый міръ, который долженъ вскорѣ
 Возникнуть, съ той поры, какъ будетъ понятъ
 Мужей великихъ духъ, когда свободно
 Раздастся слово, оживляя мысль,
 Заснувшую въ развалинахъ проклятыхъ!

И, въ отвѣтъ на свое желаніе, Адамъ переносится въ нашъ капиталистическій вѣкъ, въ центръ буржуазной культуры—въ Лондонъ. Въ обществѣ Люцифера онъ любитъ съ башни Тоуэра движущейся толпой и ея веселымъ пѣньемъ.

Вотъ въ чемъ была возвышенная цѣль,
 Къ которой я такъ горячо стремился,
 По лабиринту долго я блуждалъ,
 И вдругъ открылась жизнь передо мною.
 Какъ сладостно мнѣ слышать пѣснь ея
 О вѣчномъ обновленіи!

И, когда вѣрный себѣ Люциферъ выражаетъ сомнѣніе въ томъ, такъ ли это хорошо внизу, какъ представляется наверху, Адамъ съ негодованіемъ и горячо возражаетъ:

Насмѣшникъ, вѣчный скептикъ! Это время
Ужель не лучше тѣхъ временъ ужасныхъ.
Которыя заставилъ ты меня
Недавно пережить? Стѣсненій узы
И привидѣнья страшныя, проклятья
Былыхъ временъ, желѣмая свято,
Какъ драгоцѣнный даръ,—теперь исчезли.
Духъ путь себѣ свободный проложилъ
И ради пирамидъ—рабы не гибнуть.

Люциферъ возражаетъ Адаму:

Согласенъ я: страданій крикъ умолкъ,—
Но все зато на свѣтъ плоско стало,
Нѣтъ высоты, которая бѣ манила,
Нѣтъ глубины, которая бѣ страшила
И даже море, съ вѣчной пѣной воли
Въ лягушечье болото превратилось.

И когда Адамъ замѣчаетъ въ отвѣтъ, что „вознаградилось все всеобщимъ счастьемъ“, Люциферъ приглашаетъ Адама посмотрѣть ближе, и оба они вмѣшиваются въ толпу. Слѣдующая сцена вызываетъ особенный интересъ, ибо представляетъ собой сатиру на наше время съ его капитализмомъ и культомъ золотого тельца, съ его жестокостью въ огражденіи правъ собственности, съ его измелечаніемъ, мѣщанскимъ опошленіемъ и продажностью. Ева выступаетъ здѣсь мѣщаночкой, готовой продаться за деньги, но только большія, въ отличіе отъ тѣхъ, которые принуждены продаваться за малыя. Разсказать содержаніе этой сцены затруднительно, она представляетъ разнохарактерную смѣну лицъ и типовъ, много движенія и мало дѣйствія. И вотъ какой приговоръ исторгаетъ наше время въ концѣ концовъ изъ устъ Адама:

И снова, снова разочарованье!
Я думалъ, что достаточно прогнать
Временъ прошедшихъ злыхъ привидѣнья,
Чтобъ духу былъ открытъ широкій путь!
Лишь винтъ я вынулъ изъ машины сложной:
Традиціи лишь уничтожилъ я,—

И печѣмъ замѣнить ихъ! Я стремился
 Свободное дать состязанье силамъ,—
 И мечъ сталъ безоружному грозить;
 Я ждалъ свободы—и голодной смертью
 Мрутъ тѣ, кто предъ кумиромъ золотымъ
 Покорно преклоняться не желаютъ!
 Хотѣлъ я социальнаго порядка,
 Который защищалъ бы, не карая,
 И ободрялъ, а не пугалъ людей,
 Въ гармоніи котораго всѣ силы
 Созласно бы работали,—наука,
 И духъ, и разумъ были бѣ достояньемъ
 Всеобщимъ! Онъ настанетъ, этотъ день!
 Я вѣрю въ это! О веди скорѣе
 Меня къ инымъ, прекраснымъ временамъ!

Адамъ и Люциферъ переносятся въ Zukunftstaat, прямо въ фаланстеру. Они попадаютъ къ ученому, сидящему надъ ретортой, и изъ разговора съ нимъ выясняются особенности новаго строя, въ основу котораго положенъ самый бездушный и послѣдовательный рационализмъ. Отечества не существуетъ, его давно уже замѣнило собой человѣчество, устроенное въ фаланстерахъ, воспитаніе дѣтей ведется въ духѣ точныхъ наукъ, причемъ сказки, поэзія, вообще „ядъ старинныхъ книгъ“ тщательно изгоняется, любви и брака не признается, мужчина и женщина осуждаются на совмѣстное сожитіе по френологическимъ признакамъ, всѣ работы совершаются по одному бездушному ранжиру, и Адамъ присутствуетъ при томъ, какъ фигурирующие только въ качествѣ извѣстныхъ номеровъ получаютъ выговоръ—Лютеръ за чрезмѣрное пристрастіе къ огню, Кассій—за ссоры, Платонъ—за мечтательность, Микель-Анжело—за чрезмѣрно сложную рѣзбу. Главная задача человѣчества этой эпохи—отстоять свое существованіе, которое становится все затруднительнѣй въ виду истощенія земныхъ запасовъ угля и под. и скоро предстоящаго погасанія солнца. Въ концѣ концовъ Адамъ, обращаясь къ старику ученому, наивно называющему любовь бредомъ, говоритъ:

Нашъ бредъ намъ дорогъ; вашъ покой и трезвость—
 Ни на минуту не завидны намъ!

Вѣдь все, что было славнымъ и великимъ.
 Что смѣло выходило за границы
 Усидчивости глупой, было—бредъ!
 Въ душѣ у насъ созвучно отдается
 Гармонія сферъ высшихъ, неземныхъ,
 И насъ зоветъ къ себѣ, какъ равныхъ духомъ!

Адамъ пытается совсѣмъ покинуть землю и устремиться съ Люциферомъ въ міровое пространство, однако скоро убѣждается, что онъ не можетъ жить внѣ сферы вліянія земного духа и возвращается на землю. Въ послѣдней сценѣ Адамъ глубокимъ старикомъ присутствуетъ при угасаніи міра и предсмертной агоніи человѣчества. Уцѣлѣвшіе его остатки въ лицѣ жалкаго эскимоса и его жены, въ которой Адамъ съ ужасомъ узнаетъ знакомыя черты Евы, приводятъ Адама въ совершенное отчаяніе. На этомъ Адамъ просыпается. Заключительная сцена изображаетъ сначала отчаяніе Адама, приводящее его къ намѣренію лишить себя жизни, однако отъ исполненія этого рѣшенія его удерживаетъ Ева, сообщающая ему, что она скоро будетъ матерью. Затѣмъ слѣдуетъ разговоръ Господа съ Адамомъ и Люциферомъ, и въ словахъ Его выражена центральная и основная мысль поэмы. Поэма кончается словами Господа: „Тебѣ сказалъ Я: вѣруй и борись“!

Какова же основная идея или, точнѣе, основная тема драматической поэмы Мадача? Тема эта вполне опредѣленно указана ея заглавіемъ: это—*трагедія* человѣка и человѣчества, основной и неустрашимый трагизмъ человѣческой души, истинно человѣческой жизни, который удается замазать и сдѣлать несуществующимъ только пошлости.

Въ чемъ же этотъ трагизмъ и почему онъ неустрашимъ и неразрѣшимъ ни въ личной жизни, ни въ исторіи? Трагизмъ этотъ опредѣляется основнымъ противорѣчіемъ, которое живетъ въ каждой мыслящей душѣ, противорѣчіемъ между абсолютными запросами пытающаго духа, между его ненасытной духовной жаждой и тѣми относительными способами его удовлетворенія, которые фактически только и доступны человѣку. Человѣкъ стремится къ достиженію абсолютнаго идеала въ познаніи, въ искусствѣ, въ жизни, къ

полному осуществленію истины, добра и красоты. Что значить эта жажда, откуда она, кѣмъ она внушена? На этотъ вопросъ даются разные отвѣты, но одно безспорно для всякаго искренняго человѣка, что именно эта жажда, эта непримиримость, сила святого недовольства есть самое святое, и самое, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣчное въ человѣкѣ. Человѣка дѣлаетъ человѣкомъ не его анатомическое строеніе и фізіологическая организація,—это дѣлаетъ его только антропоморфной обезьяной *homo sapiens*, а эта присущая ему сила духовнаго исканія, постоянное безпокойство, полная неспособность остановиться на достигнутомъ, удовлетвориться пріобрѣтеннымъ, — ничѣмъ и никогда, по крайней мѣрѣ, въ границахъ эмпирическаго существованія. Довольство, удовлетворенность есть уже начало паденія, превращенія человѣка въ антропоморфную обезьяну, вопареніе пошлости и духовнаго мѣщанства — ибо послѣднее, по самому своему существу, есть самодовольство, духовное успокоеніе, короче, духовная смерть.

Такимъ образомъ, человѣкъ идетъ по узкой тропѣ, пролегающей по скалистому обрыву: впереди сверкающая снѣговая громада, далекая и недостигаемая, высится на синемъ горизонтѣ, а позади — смрадное болото мѣщанства, довольства, застоя... *Per aspera ad astra!* Поэтому-то нормальное, истинно человѣческое состояніе человѣка есть вѣчное исканіе, вѣчная неудовлетворенность и недовольство, крутой каменистый путь къ недостижимой цѣли, путь безъ конца. Кому не приходится въ голову при этомъ классическое стихотвореніе нашего дорогого философа, въ которомъ онъ характеризуетъ свою духовную жизнь.

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
Я шель къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны—и схваченная снами
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.
Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
Какъ труденъ горный путь, и какъ еще далеко.
Далеко все, что грезилось мнѣ.

И до полуночи неробкими шагами
 Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ
 Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами
 Весь пламенѣющій побѣдными огнями
 Меня дождется мой завѣтный храмъ.

Если истинная человѣчность, освобождающая насъ отъ духовнаго плѣна мѣщанства и пошлости, покупается цѣною трагизма, жгучаго и неразрѣшимаго противорѣчія, то и градусъ человѣчности, если можно такъ выразиться, опредѣляется степенью этой жгучести, этой боли, остротой этого трагизма. Наибольшая трагедія совершается въ душѣ героя. Въ этомъ трагизмѣ нѣтъ духовнаго роста, нѣтъ истиннаго героизма, нѣтъ совершенной святости.

Этотъ трагизмъ имманентенъ человѣчеству, онъ для него неустранимъ, и попытка его устранить, даже самое желаніе этого есть злоумышленіе противъ человѣчества, есть уже преступленіе, есть путь Великаго Инквизитора, который хотѣлъ облегчить души своей паствы отъ неудобноносимаго бремени, обезпечивъ имъ довольное и сонное существованіе.

Загадочная противорѣчивость человѣческой природы, внутренній ея трагизмъ, сжигаетъ души, которыя его переживаютъ, хотя и очистительнымъ огнемъ. Страніе и тѣмъ болѣе напряженное, чѣмъ напряженнѣе духовная жизнь человѣка — есть неизбѣжная цѣна человѣчности, духовная дань или выкупъ, который отдается человѣкомъ низшей своей природѣ. „Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать“, вотъ чего хочетъ великій поэтъ. Мыслить и страдать — стоять рядомъ, соединено знакомъ равенства. Нужно ли говорить, какъ далеко гонитъ подобное воззрѣніе гедонистическую пошлость, мечты о всеобщемъ довольствѣ и... мѣщанствѣ. И вотъ почему такъ отличается отношеніе къ этому вопросу серьезныхъ глубокихъ мыслителей — Канта, Толстого, Карлейля, Достоевскаго, Соловьева, — и современныхъ газетчиковъ и журналистовъ. Нельзя продавать своего духовнаго первородства ни за какую цѣну.

Можетъ ли, поэтому, и имѣть ли право человѣкъ отпраздновать когда-либо субботу духа, сказать мгновенію: остано-

вись? Нѣтъ, стрѣлка часовъ упадетъ тогда уже въ знакъ не физической (какъ въ Фаустѣ), а духовной его смерти, такого момента не можетъ и не должно наступить въ человѣческой жизни, полной высшихъ запросовъ и вѣчныхъ исканій. Идеаль какъ горизонтъ, или сверкающая гора на этомъ горизонтѣ, не становится ближе къ намъ, какъ бы ни были изранены наши ноги, онъ отступаетъ вдаль, открываются новыя горы и пропасти; мы восходимъ на трудную вершину, за которой надѣмся увидать начало отлогого спуска, который скоро приведетъ насъ къ желанной цѣли, но поднявшись убѣждаемся, что мы и на этотъ разъ ошибались, и снова должны идти впередъ, какъ Вѣчный Жидъ неутомимо... Но неужели же такъ же безцѣльно, какъ и онъ, гонимые какимъ-то злымъ рокомъ, какой-то бредней и глупой иллюзіей? Не такъ ли? Вѣдь если идеаль недостижимъ, а онъ недостижимъ, то похоже, что и такъ, что мы совершаемъ что-то, напоминающее бѣлчій бѣгъ въ колесѣ, достойное глупой бѣлки, но не „мудраго человѣка“. Такой выводъ подсказывается философіей позитивизма. Однако она пытается разрѣшить это противорѣчіе въ движеніи, современныя теоріи прогресса устраняютъ его ссылкой на безконечное историческое развитіе человѣчества, которое будто бы преодо- лѣетъ всѣ трудности и разрѣшитъ всѣ противорѣчія. Я пы- тался однажды вскрыть всѣ тѣ новыя противорѣчія, кото- рыя ведетъ за собою эта попытка спрятаться въ собствен- ную тѣнь, въ статьѣ „Основные проблемы теоріи про- гресса“ ¹⁾. Къ сожалѣнію, я не зналъ, когда писалъ эту статью, „Трагедіи человѣчества“ Мадача, иначе непременно воспользовался бы ею для художественной иллюстраціи къ своимъ возраженіямъ противъ позитивной теоріи прогресса. Въ художественныхъ образахъ Мадачъ показываетъ, что вся непонятность отдѣльнаго историческаго существованія, всѣ его противорѣчія не разрѣшаются исторіей, а, напротивъ, воспроизводятся ею *en grand*, и каждая эпоха, которая обѣ- щаетъ предыдущей чуть ли на разрѣшеніе всѣхъ трудно-

¹⁾ Напечатана въ „Проблемахъ идеализма“, перепечатана въ исправленномъ видѣ въ сборникъ „Отъ марксизма къ идеализму“.

стей, обманываетъ ее и обманывается, ибо сама оказывается односторонней и порождающей новыя трудности. Путь исторіи—это діалектическое развитіе понятія въ системѣ Гегеля: оно неутомимо, безустанно движется, оно не знаетъ остановки, ибо моментально превращается въ свою противоположность, оно существуетъ только развиваясь. „Вотъ слово“,— говоритъ Адаму Люциферъ.

Пустое „есть“! Ты только былъ и будешь;
Жизнь лишь родится и проходить вѣчно!

И однако у Гегеля понятіе существуетъ, хотя и находится въ постоянномъ процессѣ, существуетъ не только въ отдѣльныхъ моментахъ, но и въ ихъ совокупности, оно имманентно, но въ то же время и трансцендентно. Въ позитивной же теоріи прогресса нѣтъ ничего трансцендентнаго, каждая стадія существуетъ за свой счетъ, за себя, она связана лишь фактически, механической причинностью, со всѣми предыдущими и послѣдующими звеньями исторической цѣпи, но между ними нѣтъ внутренней связи, соединяющей ихъ въ единство, нѣтъ, строго говоря, даже человечества, а есть только „мгновенная жатва поколѣній, которыя восходятъ, зрѣютъ и падаютъ, другія имъ вослѣдъ идутъ“.

Недостаткомъ поэмы Мадача, нѣсколько затемняющимъ ея философскій смыслъ, намъ представляется чрезмѣрный его пессимизмъ, проявленный въ характеристикѣ „Zukunftstaat'a“ или фаланстеры. Характеризуя ее чисто комическими чертами, авторъ упростилъ себѣ и свою философскую задачу. Впечатлѣніе было бы и сильнѣе, и глубже, если бы авторъ сдѣлалъ гораздо больше уступокъ теоріи прогресса, а, вмѣстѣ съ нею, намъ думается, въ данномъ случаѣ, и философской и исторической истинѣ. Вмѣсто какого-то охолощенного человечества, слѣдовало показать человечество, обогащенное историческимъ опытомъ, осуществившее самыя совершенныя формы общественной организаціи, а не каррикатурныя казарменныя фаланстеры, поднявшееся, однимъ словомъ, на небывалую еще высоту духовнаго сознанія, но именно благодаря этому съ еще большей болью чувству-

щее свою ограниченность, все несоответствіе своихъ задачъ и данныхъ для ихъ разрѣшенія, словомъ, весь трагизмъ своего существованія. У Мадача сказалось, можетъ быть, разочарованіе политическаго борца, жизненная усталость.

Мадачемъ совершенно справедливо указано философское значеніе проблемы смерти, не личной только, но и исторической смерти, смерти историческаго человѣчества. Личная смерть вноситъ элементъ полнаго безсмыслія и разорванности въ существованіе отдѣльнаго человѣка: бѣличій бѣгъ кончается насильственно, обрывается, такъ и не получивъ внутренняго оправданія и законченности. Но вѣдь по даннымъ современной науки и по даннымъ здраваго смысла тотъ же конецъ ожидаетъ и историческое человѣчество: и историческій бѣличій бѣгъ будетъ прерванъ, и его арена должна уступить мѣсто ледяной пустыни. На Адама изъ всего, видѣннаго имъ въ его всемірно-историческомъ снѣ, наибольшее впечатлѣніе производитъ именно этотъ конецъ исторіи: жалкіе эскимосы, съ трудомъ борющіеся за существованіе на самомъ экваторѣ. Даже въ самомъ послѣднемъ разговорѣ съ Богомъ Адамъ говоритъ:

Я чувствую, что мыслишь Ты, и буду
Покорно этимъ слѣдовать словамъ.
О, если бѣ только могъ конецъ забыть я!

Современная позитивная теорія прогресса только и существуетъ, только и можетъ существовать при этомъ одномъ условіи—при условіи забвенія конца... Но забвеніе, особенно сознательное забвеніе, есть ли разрѣшеніе вопроса или же самообманъ, результатъ душевной робости?

Итакъ, „Трагедія человѣчества“ ставитъ вопросъ объ общемъ смыслѣ и цѣлесообразности существованія какъ отдѣльной личности, такъ и всего историческаго человѣчества, и при томъ ставитъ въ самой рѣзкой и рѣшительной формѣ. Есть ли духовная жажда, голосъ абсолютнаго, звучащій въ душѣ человѣка и человѣчества, побуждающій его идти все впередъ и не позволяющій ему нигдѣ и никогда остановиться, пока не перерветъ дней его смерть, есть ли это какое-то недоразумѣніе или просто религіозный атавизмъ, отъ ко-

торого скоро излѣчить насъ своей сывороткой проф. Мечниковъ и другіе ученые люди, или же это путеводный столпъ, ведущій насъ въ землю обѣтованную? Что слѣдуетъ предпочесть: страданіе неразрѣшимого трагизма, безостановочный путь Вѣчнаго Жида, этого прообраза историческаго человечества, или же примиреніе съ жизнью и судьбой, духовную капитуляцію, „мѣщанское счастье“ и духовную смерть? И далѣе: тѣ шаги, которые отмѣриваетъ Вѣчный Жидъ въ своемъ непрерывномъ скитаніи, ведутъ ли они куда-нибудь, нужны ли они къ чему-нибудь, или онъ совершаетъ лишь бѣличій бѣгъ, бессмысленный и безцѣльный, движеніе ради движенія, какой-то историческій моціонъ? Эту же мысль можно формулировать и такъ: есть ли историческій процессъ только эволюція или же, кромѣ того, и прогрессъ, есть ли онъ только безцѣльное причинное становленіе или же планомѣрный, цѣлесообразный процессъ, раскрытіе какого-то абсолютнаго содержанія?

На всѣ эти вопросы отвѣчаютъ двояко, и эти два типа мысли въ грубыхъ и общихъ чертахъ можно охарактеризовать какъ нерелигіозный или позитивный и религіозный. Позитивизмъ отрицаетъ реальность и самобытность абсолютнаго начала міра, и его безпокоящій голосъ стремится объяснить „научно“, т. е. либо неврастеніей, либо отсталостью, либо... но было много всякихъ объясненій, всѣхъ не перечесть. Отсюда естественно, что онъ стремится погасить и упразднить „Трагедію человечества“, то какой-нибудь сывороткой, то вѣрой въ разрѣшеніе ея путемъ прогресса. На самомъ же дѣлѣ есть только одинъ путь къ ея полному устраненію—путь оношленія. „Трагедія человечества“ при этомъ уничтожается, но цѣной уничтоженія самаго человечества. Естественно, что позитивисты сознательно не приходятъ къ этому выводу, который напрашивается самъ собой, они пытаются всѣ противорѣчія разрѣшить въ безконечномъ историческомъ процессѣ, бѣжать отъ трагедіи въ исторію. Исторіи приписываются волшебныя свойства Щедринаго мужика: „ея достанить“. Однако и исторія при такомъ ея пониманіи остается тѣмъ же неосмысленнымъ и даже бессмысленнымъ бѣличьимъ бѣгомъ, без-

конечнымъ воспроизведеніемъ при разныхъ условіяхъ однихъ и тѣхъ противорѣчій, и единственно дѣйствительнымъ разрѣшеніемъ всѣхъ этихъ противорѣчій является только ледъ подъ экваторомъ.

Позитивизмъ и пессимизмъ, такимъ образомъ, синонимы. Позитивизмъ приводитъ къ самому ужасному пессимизму, отъ котораго позитивистовъ спасаетъ только ихъ непослѣдовательность и двойная бухгалтерія, позволяющая дѣлать позаимствованіе изъ другого міровоззрѣнія. Мадачь углубляетъ и проясняетъ позитивное сознаніе своей рѣшительной постановкой вопроса, указывая, что исторія не можетъ быть оправдана *изъ себя*, что она есть безысходная трагедія.

Другой способъ отношенія къ „трагедіи человѣчества“, а вмѣстѣ путь къ ея—не разрѣшенію или устраненію—но внутреннему преодолѣнію, есть *религіозное* міропониманіе, которое и выдвигается самымъ Мадачемъ и выражается въ послѣдней сценѣ и въ особенности въ заключительныхъ словахъ поэмы:

Тебѣ сказалъ Я: вѣруй и борись!

Только религіозной вѣрой можетъ быть побѣжденъ пессимизмъ, который иначе неизбежно должны породить во всякой живой и чувствующей душѣ ужасы и разочарованія жизни. Ими еще не все выражено, въ нихъ не сказано последнее слово жизни, остается еще нераскрытая и недоступная намъ сейчасъ *тайна* міра и тайна жизни, которая все освятитъ, все оправдаетъ, все примиритъ, есть Благая Сила, воля которой совершается въ мірѣ, и эта воля нѣкогда раскроется. Господь говоритъ въ поэмѣ Мадача:

Что скрыло Бога кроткою рукою
Отъ глазъ людей,—то не желай раскрыть!
Ужели было бѣ доблестью высокой
Страдать, когда бы ты увѣренъ былъ,
Что, послѣ кроткихъ странствій въ этомъ мірѣ,
Жизнь вѣчная твоимъ удѣломъ будетъ?
И если бѣ ты увѣренъ былъ, что духъ твой
Не въ ченъ, что могло бы побуждать
Тебя къ высокимъ цѣлямъ принуждая
Минутымъ наслажденіемъ пренебречь?

Но вотъ, отъ васъ грядущее сокрыто:
И если въ настоящемъ ты несчастливъ,
Ты вѣчности надеждой подкрѣпленъ;
А если ты той мыслью возгордишься,
Срокъ краткій бытія—тебѣ узда;
Такъ обезпеченъ ростъ величья духа
И вѣчной добродѣтели разцвѣтъ.

Осмыслить міровой процессъ и трагедію историческаго человѣчества можетъ только религіозная вѣра. Мы не будемъ заниматься сейчасъ эсхатологической проблемой, къ которой необходимо приводить насъ теорія прогресса, отмѣтимъ лишь, что только религіозное ученіе истинно прогрессивно или, наоборотъ, истинно прогрессивное ученіе необходимо религіозно. Съ точки зрѣнія этого послѣдняго человѣческая исторія есть необходимый процессъ самосозиданія и созрѣванія человѣческаго духа, человѣчество есть, по мысли и выраженію Вл. Соловьева, *становящееся абсолютное*, которое приближается и осуществляетъ идею Абсолютнаго Сущаго, свой первообразъ. Исторія получаетъ вѣчный и глубокий смыслъ, становится не эволюціей, а дѣйствительно прогрессомъ. И участіе въ историческомъ созиданіи, выражается ли оно въ культурномъ творествѣ и въ разрѣшеніи политическихъ и социальныхъ задачъ своего времени (въ чемъ такое дѣятельное участіе принималъ и самъ Мадачъ) становится абсолютной обязанностью. Слова Господа къ Адаму въ заключительной сценѣ выражаютъ эти практическіе выводы.

Рука твоя сильна, твой духъ—возвышенъ
И безконечно поприще труда;
Въ груди своей ты вѣчно будешь слышать
Бодрящій тайный голосъ: вѣчно слѣдуй
Его велѣнья! Если жъ звуки неба
Среди борьбы въ душѣ твоей замолкнутъ.
То женщины чистѣйшая душа,
Свободная отъ всей житейской грязи,
Ихъ будетъ слышать: въ чистомъ женскомъ сердцѣ
Тотъ голосъ станетъ пѣснью благородной
Поэзіи святой!.. Ты жъ, Люциферъ надменный.
Звено великой цѣпи міровой,—
Своею силой дѣйствуй какъ и прежде.
Своимъ холоднымъ знаньемъ, отрицаньемъ.—

Броженъ будешь въ міръ ты будить;
И если ты обманешь человѣка
На краткій срокъ,—все жъ къ истинѣ святой
Вернется онъ!

Такова философская поэма Мадача. Значеніе ея въ рѣшительной и ясной художественной постановкѣ „основныхъ проблемъ теоріи прогресса“. Въ яркихъ художественныхъ образахъ скрываются здѣсь религіозные трансцендентные корни положительной теоріи прогресса, жизнедѣятельнаго міровоззрѣнія, и показывается полная безысходность „трагедіи человѣчества“ безъ этихъ корней. Вотъ почему поэма заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія мыслящаго читателя.

С. Булгаковъ.